

Исмаил оказался прав. Авреем был не готов к резкому и крайне болезненному перемещению, когда каждое его чувство вырвали и вбили в разум другого живого существа. Казалось, что содержимое черепа извлекли и сожгли во вспышке, а затем собрали снова, лепесток пепла к лепестку пепла. Авреем чувствовал, как сама его идентичность избавляется от всех форм сознания, словно змея сбрасывая кожу и возрождаясь.

Вот он Авреем Локк, крепостной на борту ковчега Механикус “Сперанца”, а затем он был...

Он был...

Он понятия не имел, кем был.

Он был Авреемом Локком.

Нет, он не... был, он не был. Он был. Он был кем-то ещё.

Он был кем-то, чьи мысли напоминали бешеную собаку в клетке собственного сознания, физическим проявлением бесконечного крика, который никто не слышал благодаря сложной алхимии многочисленных фармакологических замедлителей. Он сидел в центре пустой каменной комнаты, облицованной металлическими листами и тёмно-зелёным кафелем, и смотрел на тяжёлые двери из бронзовой стали в форме шестерёнки. Кожаные ремни на запястьях, лодыжках и теле привязывали его холодной стали трона-каталки.

В воздухе висел ладан, сбоку от трона располагалось громоздкое оборудование, больше подходящее для корабельного сборочного ангара, кабели пульсировали, словно артерии, выпуская небольшие струйки насыщенного маслом пара, который отдавал желчью и лицемерием.

Он попробовал повернуть голову, но просверленные в кость черепа и челюсти фиксаторы, мешали любому боковому вращению. Периферийным зрением он увидел двойные символы, отпечатанные на противоположных стенах: чёрно-белую шестерёнку со стальными зубьями и железным черепом в центре; двуглавого орла, один глаз которого был закрыт и слеп, а второй внимательно наблюдал за происходящим.

Оба символа безразлично и неумолимо уставились на него.

Он – нет, разум, внутри которого он находился – чувствовал только презрение ко всему, что окружало его.

Химические шунты в плоти предплечий впрыскивали в кровь сладкие мышечные релаксанты, а в спинномозговую жидкость были введены нейросинаптические блокираторы. Он знал это, потому что дрожащие адепты, которые привязали его накаченное медикаментами тело к трону-каталке, не поскупились в описании деталей того, что должно произойти.

Круглая дверь открылась, и вошла группа поющих фигур.

Их лидер читал тяжёлую книгу, слишком тяжёлую, чтобы её нёс смертный человек. Вместо этого её несла на спине низкорослая горбатая фигура. Он увидел, что расположение костей несчастного специально хирургически изменили, чтобы нести книгу. Ноги существа превратили в укороченные культы затвердевших костей и мускулов, и он не сомневался, что мозг перестроили купировать любую мысль, не относящуюся к заботе о книге. Каждая секунда в столь неловкой позе должна была причинять постоянную боль, но несчастный считал за честь нести книгу, которой, как он с мрачным весельем отметил, являлось “Священное писание Себастьяна Тора”.

Конечно, он понимал, что том на спине не мог быть оригиналом. Тот находился в запечатанном стазисном хранилище на Офелии-7 под охраной миллионов воинов Сороритас и войск Экклезиархии, которых некогда и он вёл в пламя битвы.

В лучшем случае это была копия в десятом поколении, что всё равно делало её безумно ценным артефактом.

Читающий книгу человек был облачён в бело-красный подрясник, перетянутый в талии золотым поясом с кисточками. На шеи виднелась Pallium Pontifex, в полумраке мерцали вышитые по краям серебряные черепа. Фарфоровая маска-череп чистейшего белого цвета скрывала лицо, скулы резко выдавались вперёд, а глаза чудовищно выпирали. Челюсть была растянута, и зубы светились во мраке, словно Смерть желала насладиться последним страхом приговорённого человека. Он узнал произносимый священником *lexiconi devotatus* – витиеватый и сложный язык благочестия, неизвестный за пределами высших кругов Адептус Министорум.

За понтификом шли три жреца Бога Машины в красно-чёрных мантиях с капюшонами. Из-за громоздкой аугметики и протезов очертания их тел выглядели бесформенными и нечеловеческими. Они двигались неестественными бессвязными движениями, каждый из них уже не был обычным человеком, став чем-то большим и всё же одновременно меньшим. Они достигли состояния механического идеала, что означало, что в их телах стало больше металла, чем плоти, и они считали это честью.

Наконец вошёл воин из плоти и кости, и если лицо понтифика скрывала маска, а марсиане были бесстрастны в своей ненависти, этот человек не делал тайны из своего отвращения. Человек насилия, он был облачён в облегающий чёрный доспех, лоснящийся и хорошо ухоженный, но старый и поношенный. Полное отражение своего владельца, понял он. Единственный из вновь прибывших с открытым лицом. Глубокие морщины и суровый взгляд свидетельствовали об отсутствии компромиссов, сожалений и тем более пощады.

Он знал этого человека. Этот человек был ответственен за то, что он находился в этом кресле.

Техножрецы окружили фигуру на троне, и хотя нервная система была почти парализована, а в крови текло снотворное, они всё ещё опасались его.

Что же он сделал, чтобы заслужить такую враждебность?

Первым заговорил понтифик:

- Лукаш Круль, - произнёс он - наконец-то имя! - искажённым голосом из-за маски-череп. - Ты приговорён к аркофлагелланции священным писанием Экклезиархии, которой ты некогда служил. Смерть не является достаточным наказанием за чудовищные ереси, которые ты сеял под маской слуги Императора, поэтому тебя ждёт искупление за богохульство и чудовищные деяния в Его святых армиях, пока смерть не призовет тебя. Сие объявлено, является истиной и справедливым решением Экклезиархии Геликана, и будет исполнено в третий час сто пятидесятого дня девятьсот восемьдесят шестого года тридцать шестого тысячелетия.

Понтифик отступил, и марсиане приступили к работе. Они подключились при помощи гибких механодендритов к системам управления и механические руки по бокам трона резко выпрямились, словно внезапно проснулись. Из металлических кожухов выдвинулось хирургическое оборудование - иглы, артериальные зажимы и воющие свёрла - а из пола по обеим сторонам трона поднялись части и компоненты.

- Выведите болеутоляющие и начинайте, - сказал понтифик. - Он должен почувствовать всё.

Страх поднялся удушающей волной, поглотив все мысли и разум.

Это не моё тело, это не мой разум.

Но растущие ощущения были не менее реальными и ничуть не отличались от ран, которые нанесли бы его далёкой плоти. Он хотел закричать, но это было памятью Лукаша Круля, а тот не желал, чтобы его видели просящим, плачущим или кричащим.

Пилы по кости с пьезокраями появились из подлокотников трона и отрезали запястья с ультрабыстрой точностью. Кровь хлынула потоком, но как раз когда муки пронзили рассеивающийся химический туман, он ощутил прижигающий жар, запечатавший обрубки единственным нестерпимым импульсом. Но сколь ни ужасной была ампутация рук, она оказалась ничем в сравнении с тем, что ждало его.

Щёлкающие машины с руками-кронциркулями, напоминавшими кошмарные когти сумасшедшего кукловода, начали снимать кожу, мышцы и нервные ткани от предплечий до локтей. Хирургические ткачи плоти накладывали слои заменителей нервов на укреплённую кость и пересаживали искусственные мышцы вместо удалённой органики.

Его грудь вздымалась, а руки и ноги бились в ремнях. Они просто затянули их туже. Он не мог пошевелиться. Он мог только смотреть, как всё его тело разрезали и переделывали.

Закрытые контейнеры, кружась, поднялись из пола и открылись с пневматическим шипением

сжатого воздуха. Монотонный поток бинарной чуши, распеваемой техножрецами, слегка изменился, когда стало видно лежавшее внутри оружие.

Такие потрясающие инструменты разрушения требовали почтения.

Сквозь туман слёз и ненависти он наблюдал, как два машинных жреца шагнули вперёд и прикрепили устройства к его рукам, используя имплантированные отвёртки, нервные ножницы, ткань для пересадки и священные мази. Он чувствовал каждое касание, каждый вкрученный в кость шуруп и каждый кричащий ужас соединяемых обнажённых нервов. Разряд энергии пронзил тело, и выдвижные электроцепы из углеродистой стали задёргались и затанцевали, когда древняя едва понятная схема сцеплялась с его грубой органикой.

Спинка трона откинулась назад, и свёрла, хирургические машины и зажимы занялись его черепом. Трепанирующие инструменты просверлили кость и защёлкнулись, механические руки вставили нервные регулирующие имплантаты и срезали макушку черепа. Он почувствовал, как поднимается со скрипом крышка кости, и ужас его обнажённого разума было невозможно передать.

Священное масло со священных инструментов капало в мозговую впадину, и каждое помазание сопровождалось шестнадцатью именами бинарных святых. Перед ним появились вращавшиеся сферы с тонкими, как паучьи лапки механическими лезвиями-руками, жужжа с сумасшедшим ликованием.

Нет, нет, нет, нет, не моё...

Гудящие сферы метнулись вперёд и вырвали его глаза.

Это не моё тело! Это не моё тело! Это не моё тело! Это не моё тело! Это не моё тело! Это не моё тело! Это не моё тело! Это не моё тело!

Тонкие зажимы крепко сжимали оптические нервы, пока сложные системы целеуказания, анализаторы угрозы широкого спектра и визуально-когнитивные визиошары устанавливали вместо глаз и имплантировали в череп. Пока из невидимых аугмитов гремели псалмы, на его голову опустился капюшон, который имел религиозное значение, являлся корковым ингибитором и служил посмертной маской. Он скрыл расслабленное лицо и соединился с лобными долями оставшегося мозга. Как и ухмылявшаяся лицевая пластина шлемов капелланов Адептус Астартес капюшон олицетворял собой муки Императора, и все, кому уготовано судьбой посмотреть на него будут знать, что он наказан организацией с величайшими полномочиями. На внутренней поверхности глаз появились подробные схемы людей, стоявших перед ним, как и способность переносить нагрузки, устойчивость к повреждениям, а также сотни способов, как разорвать их на сотни кричащих частей.

Работа продолжалась ещё час, муки за муками, ужас за ужасом, пока в сидевшем на троне мало что осталось человеческого. Смертное мясо Лукаша Круля удалили и заменили инструментом смерти и уничтожения. Остался только Авреем, и даже он представлял собой

опустошённую оболочку, исковерканной теми же самыми процессами, которые надругались над плотью.

И всё же когда его сознание рыдало и желало забвения, он ощутил высший экстаз обладания властью над жизнью и смертью. Во всех смыслах он больше не являлся человеком, его тело улучшили до смертельных уровней убийственной силы и лишили самых базовых физиологических функций.

Лукаш Круль фактически прекратил существование, и его заменило что-то другое.

Что-то более опасное и ужасное.

- Готово, - произнёс понтифик, затем мрачно кивнул, шагнул вперёд и погрузил пальцы в чернильный рожок со священной краской, который протянул опустившийся на колени техножрец. Он прочертил четыре параллельных багровых линии по маске-черепу.

- Ты помазан кровью Тора. В крови Тора ты пробудишься, - провозгласил понтифик.

Ручейки краски потекли по маске, словно кровавые слёзы, капая на грудь, которую теперь распирали сердечно-лёгочные усилители, надпочечные устройства и пассивные стероидные соединения. Спинные имплантаты протянулись вдоль позвоночника цепочкой впрыскивателей, а запасы стимуляторов в плечах придавали верхней половине тела громоздкие и невероятно мускулистые пропорции.

Теперь он стал убийцей во плоти, одновременно оружием и актом возмездия.

Авреем упивался новым воплощением, он стал существом почти неограниченного потенциала жестокости, которому было по силам любое злодеяние и любой отвратительный акт запредельного кровопролития. Когда сорвали все моральные завесы, Авреем увидел весь ужас злодеяний Лукаша Круля: дворцы пыток, гулаги изнасилований и экспериментальные лагеря, где тот лично наблюдал за всеми невозможными и невообразимыми оскорблениями Императора.

И это было хорошо.

Они думали, что забрали его жизнь и сделали своей собственностью, но они ошибались.

Убийца всегда жил в нём.

Всё что они сделали - сорвали маску человечности, возродив его сильнее и смертоноснее, чем когда-либо.

- Я забираю у тебя имя Лукаш Круль, - произнёс понтифик, снова опустив руку в краску и проведя четыре вертикальные линии на груди Круля. Абляционный полимер, внедрённый в дермальные слои кожи, сделал её твёрдой и упругой.

Авреем наблюдал, как понтифик проверил серийные опознавательные коды на бланке, протянутом одним из техножрецов, и сравнил с именем, сгенерированным по доктрине абаки. - Нарекаю тебя Расселас X-42 и да смилостивится Император над твоей душой.

- У таких ублюдков, как он нет души, - произнёс человек в чёрной броне.

- У всех есть души, каратель, - ответил понтифик. - Слова божественного Тора учат нас, что один верующий может победить легион неверующих. Мы восстановили веру этого человека, и он оплатит за этот дар кровью наших врагов.

Понтифик кивнул на того, кто некогда являлся психопатом и серийным убийцей, известным как звёздный кардинал Офелии-7, Лукаш Круль:

- Даже темнейшая душа может найти искупление и спасение в смерти.

- Я и пука корабельной крысы не дам за его спасение, - резко ответил каратель. - Я просто хочу, чтобы он страдал за то, что сделал.

- Не беспокойтесь об этом, - сказал понтифик. - Он будет страдать, как никто другой.

Боль перемещения, когда Авреема потянуло назад, оказалась столь же резкой, но если тогда он с головой погрузился в неизвестное тело, то сейчас возвращался в своё. Хотя он едва ли ощущал его своим, а наполнившая тело слабость, сменившая чувство неограниченной силы, оказалась почти такой же мучительной, как перенесённые Лукашем Крулем операции.

Он свалился с табурета столь же беспомощный, как автоматон с удалённой батареей, и упал в объятия Исмаила и Тота Мю-32. Авреем закричал, как сумасшедший, когда волна неослабевающего ужаса нахлынула на него. Он вцепился кибернетической рукой в Тота Мю-32 и Исмаила, словно они были порождёнными варпом чудовищами из самых кошмарных глубин имматериума. Авреем боролся с силой сумасшедшего, истеричного и отчаявшегося человека, пытаясь избавиться от отвратительного присутствия Расселаса X-42.

Он вновь переживал украденные воспоминания - десятилетия кошмарного невыносимого насилия, болезненные и отвратительные в каждой ужасающей детали. Бесчисленные души кричали в небытие, и Авреем прижал руки к ушам, пока их вопли эхом раздавались в голове.

Даже думать о том, что один человек замыслил подобное, было отвратительным, но знать, что целые слои Экклезиархии с беспрекословной преданностью затянуло в водоворот его безумия, было почти невыносимым. Сколько миллиардов погибли от рук организации, которая

провозгласила своей миссией защищать невинных?

Авреем наклонился, и от отвращения его стошнило жалким содержимым желудка на пол дормис-палаты Х-42. Он закрыл глаза, желая, чтобы сцены пыток, убийств и разложения исчезли из мыслей.

- Авреем, - спросил Тота Мю-32. - Авреем, вы ранены?

Он покачал головой и вытер рукавом мокрые губы:

- Нет, я...

Он хотел сказать в порядке, но зная то, что он теперь знал о зверствах Х-42, он сомневался, что вообще когда-нибудь снова будет в порядке. С помощью Тота Мю-32 и Исмаила он неуверенно встал на ноги, быстро повернулся и направился из дормис-палаты, но не забыл сначала проверить, что успокаивающий шлем прочно сидит на голове аркофлагелланта.

- Вы видели? - спросил Исмаил.

Авреем кивнул. - Видел, - выдохнул он. - Вы знали, не так ли? Вы знали, кем он был.

- Знал, но вы должны были убедиться лично, - ответил Исмаил. - И теперь, когда вы знаете, кем был Х-42, вы всё ещё считаете, что его следует освободить? Вы вернули бы человека, которым он был?

- Кровь Тора, нет! - воскликнул Авреем. - Лукаш Круль был чудовищем.

- Действительно чудовищем, - согласился Исмаил, - но раньше Лукаш Круль был хорошим человеком, человеком, которого вера в Императора привела к неумеренному насилию по отношению к врагам Империи. Он начал видеть отклонение и ересь повсюду, и его кровавые погромы скоро переключились на его же людей.

- Круль? - спросил Тота Мю-32. - Кардинал Колосажатель?

Авреем пожал плечами. - Не знаю, может быть. Я никогда не слышал о кардинале Колосажателе.

- Мало кто слышал, - сказал Тота Мю-32, пока он и Исмаил устраивали Авреема на раскладушке. - Понятное дело, что Экклезиархия отказывается признавать, что один из них сошёл с ума. Некоторых, как Вандира или Бахариса невозможно скрыть, но царство злодеяния Круля оказалось милостиво коротким и ограничилось одной системой.

- Как вы узнали о нём? – спросил Авреем.

- Действия Круля были зарегистрированы персоналом Механикус, который наблюдал за устранением его кровавого режима, после победы армии арбитров во главе с карателем Маразионом. Не самое приятное чтение даже для тех, кто далёк от сочувствия и физиологических реакций на отвращение. Теперь вы согласны, что предоставление свободы Х-42 может привести к негативным последствиям?

- Абсолютно, – сказал Авреем, указывая дрожащей рукой на дормис-плату. – Проверьте успокаивающий шлем и снова запечатайте это чудовище. Мы не можем рисковать ни малейшей частицей Лукаша Круля, которая ещё может оставаться в нём.

- В нём всегда будет что-то оставаться, – сказал Исмаил, осторожно помогая Авреему лечь на койку. – И это самая большая трагедия.

Ужасная печаль и сокрушающая душу усталость поселились в Аврееме, но воспоминания о злодеяниях Круля уже отступали. Ему оставалось только надеяться, что со временем они полностью исчезнут. Никому не пожелаешь такой мучительный ужас в голове.

- Теперь отдохните, – сказал Исмаил.

Авреем кивнул, уже чувствуя, как тяжелеют веки. Он ощутил, что его накрыли одеялом и повернулся на бок. Было глупо с его стороны так рисковать и лезть в душу убийцы с переделанным разумом, но, по крайней мере, он знал, что больше Расселас Х-42 никому не причинит боль.

- Выключите его, – пробормотал он в навалившемся изнеможении. – Выключите его навсегда и закройте это место, чтобы никто и никогда не нашёл его снова.

- Я прослежу за этим, – заверил Тота Мю-32.

Робаут всегда знал, что “Сперанца” – огромный корабль, он видел её из космоса, и такие колоссальные размеры было трудно не заметить. Он поставил “Ренард” на якорь в одном из похожих на пещеры трюмов, и знал, что на борту размещались четыре бога-машины легиона титанов, а также тысячи имперских гвардейцев и скитариев, включая военное имущество и бронетехнику. Он знал всё это и даже больше, благодаря внушительному объёму статистических данных, с благоговением и почтением предоставленных магосом Павелькой.

Но почему же он сейчас испытывает клаустрофобию, как крыса в лабиринте, которая отчаянно ищет выход?

После возвращения на “Сперанцу” у него было неподдающееся объяснению чувство, что за ним наблюдают, как покалывание с тыльной стороны шеи, говорившее солдату, что он в

прицеле снайпера. У него не было доказательств, но все недели после отлёта с Гипатии, он чувствовал себя подобно беспомощному млекопитающему, преследуемому невидимым хищником, который мог напасть в любой момент, но в предвкушении оттягивал убийство.

Он так далеко зашёл в мерах безопасности, что вопреки ультрамарскому воспитанию стал постоянно носить пистолет. Он всегда брал с собой Адару, даже пересекая хорошо населённые районы ковчега. Большую часть времени он помогал Силквуд и Павельке ремонтировать повреждения “Сперанцы” и шаттла или навещал Линью Тихон на медицинских палубах.

“Сперанца” уже миновала внешние планеты странно геометрической системы и выйдет на орбиту самое большое в течение двух ближайших дней. Никто ещё не присвоил имя их месту назначения, потому что если Потерянный Магос действительно находился на поверхности мира-кузни и пребывал в добром здравии, то вполне вероятно, что он уже сделал это, а архимагос Котов являлся рьяным сторонником соблюдения классификации и систематизации в планетарной терминологии.

Дни напролёт он читал Линье сборники мифов Ультрамара и выслушивал гневные тирады Иланны Павельки за ужасные повреждения, которые он и Эмиль причинили кораблю. Глубоко во внутренностях неработающей машины или потерявшись в рассказах о молодом примархе Жиллимане, он почти забывал о затянувшемся присутствии, которое не давало покоя, словно назойливая муха.

В конце концов, он устал ходить по тонкому льду и решил, что достаточно засиделся под прицелом. Если за ним кто-то следил, то пришла пора узнать кто. Робаут расстегнул пистолетный ремень и положил кобуру на палисандровую поверхность стола, прежде чем покинул “Ренард”. Он наугад выбрал один из арочных выходов с посадочных палуб и направился на прогулку. Каждый раз, подходя к перекрёстку, лестничной клетке или молитвенной дороге в темплум, он выбирал наименее привлекательно выглядевший или лишённый всех обозначений путь.

Спустя несколько минут он безнадёжно заблудился в лабиринте тускло освещённых проходов с сетчатыми стенами и стальным полом. Под потолками сводчатых келий собирался пар, в разрывах между проходами и частично открытых вакууму отсеках образовывался лёд, и талая вода бежала по металлическим желобам. Робаут шёл в темноте, в тених и при свете нависавших вентиляционных башен, которые извергали пламя в системы отопления.

Он поражался огромным залам с шестерёнками, приводимыми в движение поршнями, каждый из которых был больше ноги “Владыки войны”; ревущим машинам с соединительными штангами и муфтами, которые то раздвигались, то сдвигались, как ножницы, словно руки молотилки или вёсла древней триремы Макрагга. Немногочисленные встреченные им техножрецы в основном не обращали на него внимания или направляли подальше от областей с высокой радиацией или от какой-то другой неизвестной ему опасности.

Блуждая между бесконечными рядами колоссальных цилиндрических башен, напоминавших зернохранилища, он почувствовал сильный сальный запах большого количества еды, и понял, что смотрит на пищевые запасы “Сперанцы”. Робаут направился по поднимавшейся дорожке

между башнями и, наконец, достиг зала, заполненного отвратительными запахами и едкими парами, от которых заслезились глаза. Вдаль простирались три десятка огромных котлов в двести метров диаметром, заполненные серо-бурой массой из переработанной материи, заменителей мяса, белковых паст и сложных углеводных добавок.

Сервиторы на репульсорных дисках парили над вязкой мульчей, погружая шесты для пробы в глубокие слои или удаляя загрязнители. Робаута едва не стошнило от увиденного, и он покинул зал, поворачивая наугад и всегда выбирая маршрут без обозначений.

Ощущение, что у него мишень на спине или что удавка медленно затягивается, становилось всё сильнее, и ему приходилось бороться с желанием повернуться и попытаться мельком увидеть преследователя. Не важно кто или что положило на него глаз, скоро он всё узнает.

Он проходил мимо святилищ Омниссии, Императору и ещё кому-то непонятному. Некоторые казались немногим больше, чем клятвенными подношениями какому-то воплощению, которое можно было с натяжкой принять за один из аспектов Бога Машины, в то время как другие выглядели слишком пугающими для Культа Механикус.

Очевидно, что некоторые являли собой всего лишь некую форму жалкого протеста, хотя другие казались зловещими, особенно подвешенные на специальных механизмах предметы, на которые Робаут не хотел задерживать взгляд. Встречались и новые святыни Авреема Локка и его апостолов: Красного Разрушителя, Вернувшегося Ангела, Благословлённого Хоука и Койна Раненого.

Робаут покачал головой от нелепости этих последних святилищ, Вен Андерс и капитан Хокинс рассказали ему правду о соотечественниках Авреема Локка. Но везде, где у людей не оставалось надежды, они творили свою собственную. Даже в самые тёмные времена человеческий разум способен зажечь свет.

Он прошёл под высокой стрельчатой аркой и оказался в длинном молитвенном нефе, заполненном скульптурами: расположенные в два ряда адепты Культа Механикус в мантиях смотрели друг на друга вдоль всего зала. Каждая была примерно в десять метров высотой и их выступающие поверхности покрывал толстый слой пыли, как и тесно подогнанные шестиугольные плитки пола. Робаут вспомнил своё появление на борту “Сперанцы” и как магос Блейлок сопровождал их к архимагосу Котову по Адамантовому Киворию. Статуи являлись невероятно великолепными скульптурными воплощениями величайших умов Механикус.

Кем были эти фигуры?

Они были людьми, чьи труды устарели или были превзойдены?

Глубокая печаль наполнила Робаута, пока он медленно шёл между статуями забытых магосов, гадая, почему это место больше не посещали и покинули. Он остановился возле магоса в мантии и всмотрелся в тени под капюшоном.

- Кто вы? – спросил Робаут, эхо его голоса поглотили века пыли. – И что вы сделали? Кто-то решил, что вы были достаточно важной, чтобы заслужить статую.

Статуя спокойно смотрела на зал, и Робаут опустился на колени возле резной мемориальной доски на постаменте и вытер пыль.

- Магос Вахихва из Фарсеса, – произнёс он. – Остальные на корабле может и забыли о вас, но я буду помнить. Я узнаю, кем вы были и сделаю всё, чтобы не забыть вас. Я знаю, что Механикус говорят, что никогда ничего не удаляют, но “не удалять” не значит “помнить”.

Робаут встал и посмотрел на непостижимое лицо магоса Вахихвы, и непреодолимое чувство покоя нахлынуло на него. Он улыбнулся и провёл рукой по волосам, прежде чем поправить китель и стряхнуть случайные пылинки с манжет:

- Ну и время вы выбрали, чтобы показаться, – сказал он.

- Ты знал о моём присутствии? – спросил голос с хриплым лирическим тембром, который он не слышал много лет. Он закрыл глаза и повернулся, наслаждаясь интонациями, бросавшими вызов акустике зала и резонировавшими по всему помещению.

- Знал, но только потому, что бывал среди вашего народа прежде, – ответил Робаут, наконец, открыв глаза. – Надеюсь, что эта встреча пройдёт столь же приятно и мирно, как и последняя.

Напротив него стояла женщина в доспехах, которые выглядели сделанными из керамики и алебаstra. Она была высокой и худой, тело казалось привлекательным и одновременно всё же не вписывалось в привычные женские пропорции, как их видел разум. Шлем с выступами, похожими на оленье рожки, стоял на постаменте статуи позади неё, и он не мог не заметить полированный пистолет на бедре и длинный усыпанный драгоценностями меч в ножнах за плечом.

- Я не собираюсь убивать тебя, – сказала она.

- Это успокаивает, – ответил Робаут с тем, что как он надеялся, являлось его самой обаятельной улыбкой. По большому счёту он сам подстроил эту встречу, хотя только теперь начал понимать дразнящее знакомое чувство, которое ощутил на посадочной палубе.

Лицо эльдарки было скульптурно идеальным, привлекательной пропорциональной овальной формы с большими глазами и взъерошенной копной алых волос, переплетённых сверкающими камнями и золотыми бусинками. Губы были приятного синего оттенка, но плотно сжаты, что заставляло её казаться излишне сердитой.

На самом деле теперь, когда он присмотрелся, то увидел, что казавшееся спокойным лицо на самом деле скрывало крепко сдерживаемый гнев, и прямо за ним кипела ледяная ярость.

Несмотря на её прошлые слова Робаут резко засомневался в мудрости своего решения.

Он неуверенно шагнул назад к магосу Вахихве, когда эльдарка подошла к нему с плавной текучестью, не оставляя за собой никаких следов в пыли.

- Ты - Робаут Сюркуф, - сказала она, не задавая вопрос.

- Да.

- И ты был на борту корабля-мира эльдаров.

- Да.

Она остановилась перед ним, когда он упёрся спиной в постамент магоса Вахивхы. Её дыхание было противоречивым сочетанием тёплого мёда и острого лимона:

- Ты понимаешь, насколько редко кто-то из твоего вида ступает на мир-корабль?

Наконец, вопрос.

- Да, Ирландриар из Алайтока рассказывал мне об этом.

- Алайтока? Да, в этом есть смысл, - сказала она, склонив голову на бок и посмотрев на него странным взглядом, словно часть головоломки встала на место. - Его народ всегда был глупо доверчивым. Слишком любят выбирать золотую середину вместо того, чтобы действовать прямо.

- Вы знаете, кто я, - отважился задать вопрос Робаут, - но кто вы?

- Бьеланна Фаэрэлль, ясновидица мира-корабля Бьель-Тан, - ответила она, а затем произнесла последовательность звуков, напоминавших начальные такты песни, и Робаут понял, что она говорила на родном языке. Он прокрутил услышанные звуки в уме и сравнил с человеческой версией имени, которое она произнесла, увидев воспоминания о печальных вечерах, проведённых в лесу кристаллических деревьев, напоминавшие странные гуманоидные фигуры.

- Прекраснейший свет... далёких солнц? - рискнул он.

Её глаза расширились, и он рассмеялся над её удивлением:

- Мы не все варвары, знаете ли, - сказал он. - Некоторые из нас даже моются.

Бьеланна проигнорировала сарказм и спросила:

- Алайтоки научили тебя нашему языку?

- Ирландриар научил меня отдельным словам, – скромно ответил Робаут. Ему было далеко до того, чтобы говорить свободно, но он и не был невеждой в элементарных основах языка эльдаров.

- Как хозяин, который учит свою зверюшку сидеть или просить, – произнесла Бьеланна.

Робаут почувствовал гнев:

- Скорее как наставник, обучающий новичка, – произнёс он на разговорном эльдарском.

Она презрительно рассмеялась и покачала головой:

- Никто из твоего вида не может овладеть языком эльдаров, максимум – прохрюкать нескольких простых фраз. И твоя аналогия ошибочна, потому что подразумевает, что новичок может стать наставником. Ничего подобного.

- Я слышал другое, – сказал Робаут, утомлённый её снисходительностью и решив сменить тему.
- Почему вы напали на наш флот в Шраме Ореола?

Её лицо немедленно изменилось, тонкие пальцы сжались в кулаки:

- Какой у меня был выбор? – прорычала она, безмятежно красивое, как у фарфоровой куклы лицо в мгновение ока исказил раздражённый гнев. – Я следовала путями пряжи и видела, к какому злу могут привести ваши глупые поиски.

Робаут изо всех сил пытался следовать её логике. – Вы говорите, что уничтожили наши корабли из-за того, что мы могли сделать?

Бьеланна покачала головой и раздражённо прошептала:

- Вы мон-кеи столь ужасающе невежественны в природе причинно-следственных связей – удивительно, что ваш вид вообще ещё не вымер. Вы спотыкаетесь в космосе, словно своенравный ребёнок, который кричит и вопит, когда вселенная не подчиняется его прихотям, и закрываете глаза на неприятные вам последствия.

Её глаза заблестели, и Робаут вспомнил, как Ирландриар говорил ему, что ясновидцы были сильными воинами-псайкерами, столь же сведущими в искусствах смерти, сколь и в искусствах

предсказания.

Снова Робаут понял, что позволил внешности женщины помешать увидеть правду, что она была не тем, кем казалась. В случае Линьи это обернулось небольшим конфузом и уроком смирения. Здесь это могло убить его.

- Что же, по-вашему, мы собираемся сделать? - спросил он.

Она вздохнула и сказала:

- Это всё равно, что объяснять симфонию птеробелке.

- Попробуйте, я умнее, чем выгляжу.

- Это то, что вы ищите, - начала Бьеланна. - То, что может снова зажечь умирающие звёзды и создавать целые звёздные системы. Оно может разрушать время и пространство и смеяться над танцем вселенной. Ты и в самом деле думаешь, что ваша самонадеянная раса дикарей готова стать хранителями такой вещи?

- Пожалуй, нет, - ответил Робаут. - Но если она так опасна, почему вы просто не пойдёте и не заберёте её или не разрушите, если она слишком опасна, чтобы существовать?

Её едва заметное колебание ответило на все его вопросы.

- После сражения в Шраме Ореола капитаны считали, что вы сбежали, но вы не сбежали, не так ли? - спросил Робаут. - Ваш корабль, по-видимому, был уничтожен, и чтобы выжить вам пришлось перейти на "Сперанцу". Именно вы убивали рабочие бригады ниже ватерлинии.

- Ваши безумные поиски в неизвестное стоили жизней эльдаров, почему меня должны волновать жизни их убийц? Почему ничего незначущие души-искорки должны иметь значение для меня, когда твой вид собирается убить моих детей до их рождения?

Робаут выдержал её яд, хотя так и не понял причину гнева. Во многом это они оказались горькой злобой, приписываемой эльдарам имперской пропагандой, но последние слова вызвали неподдельный интерес:

- Убьём ваших... кого? - спросил он. - Мы не убивали детей.

- Не лично вы, но возможность их рождения исчезает, - ответила Бьеланна. - С каждой секундой вашего путешествия к этому морайдиин миру их жизненная нить из будущего в настоящее становится всё призрачнее.

- Морайдиин? Я не знаю, что это значит. Вы о мире-кузне Телока?

- Телок - это один из ваших людей-машин?

- Вы не знаете?

На её лице мелькнула мельчайшая эмоция, и для любого человеческого выражения это ничего не значило бы - мускульный спазм или нервный тик - но для лица эльдара это было равносильно невольному признанию вины убийцей.

Неожиданно Робаут понял:

- Вы - ясновидица, но вы лишились силы, не так ли? Дело в этом регионе космоса и Дыхании Богов. Сделанное им с Арктур Ультра мешает вам видеть будущее, не так ли?

Она шагнула так быстро, что движение было похоже на пропущенное изображение на пиктере. Вот она стоит перед ним, а мгновение спустя он прижат к постаменту магоса Вахихвы рукой в грудь и мечом у горла. Яркие, как фосфор блуждающие огоньки танцевали в её овальных зрачках, и Робаут почувствовал горький пепельно-холодный привкус психической энергии во рту, который заполнила медная слюна.

- Показать тебе мою силу? - спросила она, голос утратил былое лиричное звучание и от этого стал ещё страшнее. - Мне сжечь примитивный мозг в твоей башке или проклясть твою душу на вечное блуждание в пустоте? Мне сплавить плоть с костей в пламени или просто перерезать горло и наблюдать, как ты истечёшь кровью? Я могу оборвать твою жизнь в мгновение ока, и ты говоришь, что я лишилась силы?

Робаут задержал дыхание, когда взгляд Бьеланны впился в него, гипнотические вспышки в глазах эльдарки росли, пока не засияли, как два озера звёздного света.

- Покажи мне всё, что знаешь об этом Телоке, - приказала Бьеланна, и Робаут почувствовал её присутствие внутри черепа, словно рука в шёлковой перчатке поглаживала поверхность разума. - Ты расскажешь мне всё об этом путешествии. И затем ты вернёшься к своим друзьям - мон-кеям и забудешь о нашей встрече.

Робаут кивнул, словно это было самым разумным предложением.

- И когда мне потребуется агаит, ты станешь спрятанным клинком в моей руке.

- Да, - сказал он. - Стану.